

Глава 6. Игорный дом

Прошло всего несколько дней после возвращения из Квартала Весенних Цветов, а Цзянь Мянью снова потерял Цинь Уцзю из виду.

В ту ночь, когда ему пришлось на собственной спине тащить младшего шишу домой, Цзянь Мянью не смыкал глаз. Его терзала тревога: он до смерти боялся, что хмельной угар подорвет и без того хрупкое здоровье Цинь Уцзю. К счастью, проснувшись, тот не выказал никакого недомогания.

Этот случай заставил Цзянь Мянью всерьез задуматься. Младший шишу шел на поправку, и вечно держать его в четырех стенах было бы жестоко. Если даже обычных детей после болезни ведут в парк развлечений, чтобы развеяться, то взрослому человеку и подавно нужно давать выход эмоциям. Поэтому, дождавшись ясного безветренного дня, Цзянь Мянью решил выманить Цинь Уцзю на прогулку.

Фэнчжоу нельзя было назвать столицей, но по сравнению с деревушкой у подножия Павильона Чистого Ветра и Ясной Луны город казался невероятно оживленным. На этот раз Цзянь Мянью выбрал для прогулки другую улицу — не ту, где шумели привычные ему овощные ряды, а ту, где торговали всякой всячиной и заморскими диковинками. Она находилась неподалеку от их двора: если Цинь Уцзю устанет, они смогут быстро вернуться.

Похоже, затяжные снегопады изрядно утомили горожан. Под ярким солнцем на улицах было не протолкнуться. На солнечной стороне гостеприимные хозяева лавок выставили низкие столики, за которыми люди лениво пили чай и переговаривались. Кто-то расставил шахматные доски, и заядлые игроки тут же сошлись в партии. Там, где затевалась игра, неизменно собиралась толпа зевак, создавая неповторимую атмосферу праздного любопытства.

Дети с деревянными игрушками в руках со смехом носились друг за другом. Сугробы по обочинам дорог почти растаяли, но в воздухе всё еще витал тонкий, бодрящий аромат мороза. Цзянь Мянью невольно улыбнулся, подставляя лицо теплым лучам. Ему нравился этот город — он дарил ощущение тишины и благоденствия, будто здесь никто не знал забот и каждый был по-своему счастлив.

Оберегая Цинь Уцзю, Цзянь Мянью намеренно замедлил шаг. Покупать они ничего не собирались — просто хотели убить время. Вскоре до них донесся сладковатый, с дымком, аромат жареных каштанов. Цзянь Мянью тут же вспомнил их мягкий, тающий на языке вкус, и у него потекли слюнки. Зима — самое время для каштанов. Он решил купить целый кулек: половину оставить младшему шишу как лакомство, а из второй половины приготовить какое-нибудь блюдо или десерт. Он помнил, что в Квартале Весенних Цветов Цинь Уцзю заказывал каштановое пирожное, значит, ему должно было понравиться.

Боясь утомить спутника, Цзянь Мянью не хотел таскать его за собой по очередям. Оглядевшись, он заметил неподалеку кучку людей, увлеченных шахматами, и решил оставить Цинь Уцзю там. Место было людное, безопасное и солнечное — идеальный вариант, чтобы

«подзарядиться» теплом. Упросив хозяина ближайшей лавки одолжить табурет, Цзянь Мянью усадил младшего шишу и наказал ждать его здесь, пообещав вернуться в мгновение ока.

Цинь Уцзю, казалось, вовсе не возражал против такой опеки, словно над малым дитятей. Сквозь просветы в толпе он задумчиво уставился на доску, явно заинтересовавшись партией. Видя это, Цзянь Мянью успокоился — вдруг младший шишу и сам захочет сыграть? Легким шагом он направился на запах каштанов.

Очередь у лавки оказалась приличной: в основном молодежь или старики с внуками. Ритм жизни в Фэнчжоу был неспешным, а богатых семей хватало, поэтому люди не привыкли, как в глухих деревнях, считать каждую медяшку. Сам Цзянь Мянью был бережлив до мозга костей, но на комфорте Цинь Уцзю никогда не экономил.

Стоявшие перед ним дед с внуком негромко переговаривались. Мальчику было от силы года три, и его лепет, полный детской непосредственности, вызывал у деда нежную улыбку. Старик терпеливо отвечал на самые нелепые вопросы. Слышали бы это двое взрослых, разговор показался бы смешным, но в их исполнении он был само очарование.

Под ясным зимним небом Цзянь Мянью почувствовал, как его наполняет легкость. Ему казалось, что он наконец-то вплетается в ткань этого мира, становясь его частью.

Очередь двигалась медленно. Переживая, что младший шишу заждался, Цзянь Мянью, едва расплатившись, поспешил обратно с обжигающим кулком в руках. Однако там, где он оставил спутника, было пусто.

Первой мыслью было похищение — те старые враги? Но, вспомнив, в какой ужас они пришли при виде Цинь Уцзю, Цзянь Мянью отбросил эту догадку. Люди вокруг шахматной доски стояли всё так же лениво и расслабленно, один здоровяк даже позу не сменил. Сердце чуть отпустило, но тревога не исчезла.

Подойдя ближе, он заметил, что атмосфера вокруг игры сгустилась. Фигуры на доске замерли в сложном узоре, но за столом сидел лишь один игрок — место напротив пустовало. Толпа впала в какой-то коллективный транс, каждый лихорадочно обдумывал следующий ход. Дед Цзянь Мянью был мастером го, так что парень сразу понял: игроки столкнулись с неразрешимой задачей. Похоже, здесь побывал истинный гений.

Сейчас Цзянь Мянью было не до шахматных этюдов. Он попытался расспросить людей, но те будто лишились дара речи, не сводя глаз с доски. Вздохнув, Цзянь Мянью протиснулся вперед, взял белый камень и с сухим стуком опустил его на дерево.

Этот звук вывел толпу из оцепенения. Люди вздрогнули, перевели взгляд с Цзянь Мянью на доску и взорвались криками:

— Так вот оно что!

— Гениально! Как же я сам не додумался?!

Видя, что рассудок вернулся к собравшимся, Цзянь Мянью хотел было спросить о младшем шишу, но стоявший слева юноша опередил его. Глаза парня сияли восторгом:

— О, молодой господин, я вас помню! Вы были с тем невероятно сильным и притягательным господином.

«Сильный и притягательный»... Цзянь Мянью едва сдержал смех. Интересно, как бы отреагировал младший шишу на такой комплимент? Наверное, и бровью бы не повел. В нем всегда чувствовалась эта странная смесь отчужденности и легкой меланхолии, которая, вопреки всему, не отталкивала, а манила.

«Неужели он никогда не меняется в лице?» — подумал Цзянь Мянью и тут же вспомнил ту ночь в Квартале Весенних Цветов, когда захмелевший Цинь Уцзю одарил его улыбкой. Даже сейчас, при одном лишь воспоминании, его сердце пропустило удар. Нет, пожалуй, лучше пусть остается таким, какой есть. Начни он улыбаться всем подряд, свахи бы порог их дома в пыль стерли.

Одернув себя, Цзянь Мянью кивнул:

— Это мой спутник. Друг, вы не видели, куда он ушел?

Юноша лишь покачал головой. Когда Цинь Уцзю сделал свой ход, все внимание толпы приковала доска, и никто не заметил, как он исчез. Парень махнул рукой в сторону, указывая лишь примерное направление.

Убедившись, что Цинь Уцзю ушел сам, Цзянь Мянью окончательно успокоился и, поблагодарив собеседника, отправился на поиски. Городской шум быстро стих, сменившись безмолвием жилых кварталов. Он замер. Здесь жили обычные люди, и в этот час улицы пустовали. Вряд ли младший шишу пошел бы сюда — с его-то здоровьем он не мог уйти далеко за такое короткое время.

«Может, устал ждать и зашел в какую-нибудь лавку отдохнуть?» — подумал Цзянь Мянью и двинулся обратно, внимательно заглядывая в каждое заведение. Цинь Уцзю нигде не было.

Проходя мимо игорного дома, он увидел зазывалу, который всю расхваливал заведение случайным прохожим. Цзянь Мянью никогда не заглядывал в подобные места. Он вежливо отмахнулся, сделал пару шагов, но вдруг что-то заставило его остановиться. Он оглянулся. Лавка с каштанами была как раз на этой улице... Мог ли младший шишу, разыскивая его, случайно поддаться уговорам и зайти внутрь?

Вероятность была велика. Цзянь Мянью вернулся. Зазывала, увидев его, расплылся в улыбке:

— Молодой господин, лицо незнакомое! Заходите, испытайте удачу! — И с готовностью откинул тяжелую занавесь.

Волна азартных криков и рева ударила в лицо, заставив Цзянь Мянэ поморщиться. Он уже хотел развернуться и уйти, но всё же пересилил себя.

— Я человека ищу, — бросил он юноше.

— Кого угодно найдем! У меня память на лица — как у бога! Опишите его...

Цзянь Мянэ внезапно осекся.

— Я уже его вижу.

В прокуренном, душном зале, среди безумной толпы немых, впавших в иступление игроков, Цинь Уцзю казался инородным телом. Одетый в девственно-белое, со спокойным, почти безразличным лицом, он выглядел так неуместно, что взгляд невольно цеплялся за него.

Сердце Цзянь Мянэ наконец встало на место. Протиснувшись сквозь потных, кричащих людей, он подошел к спутнику и тихо позвал:

— Младший шишу.

Цинь Уцзю едва заметно кивнул. Он даже не удивился появлению племянника. Его длинные, изящные пальцы небрежно толкнули вперед стопку фишек. Цзянь Мянэ молча наблюдал. Он терпеть не мог азартные игры, но подумал, что раз младшему шишу было так скучно в последнее время, пара партий для развлечения не повредит.

Однако за три круга Цинь Уцзю просадил всё до последней монеты.

Человек по ту сторону стола хищно осклабился. В его глазах горел блеск — он смотрел на Цинь Уцзю как на жирную овцу, которую пора пускать под нож.

— Господин, — прохрипел крупье, — деньги, что вы взяли в долг, кончились. Чтобы продолжать, придется выставить что-то посерьезнее.

«В долг?!» — Цзянь Мянэ так и подскочил. Он склонился к самому уху Цинь Уцзю:

— Младший шишу, сколько ты проиграл?

Цинь Уцзю ответил ровным, бесстрастным голосом:

— Немного.

— Да сущие пустяки! — встрял один из игроков и со смешком назвал цифру.

У Цзянь Мянэ потемнело в глазах. Один ноль, два ноля, три... казалось, этим цифрам не было конца. На такие деньги можно было выкупить весь Павильон Чистого Ветра и Ясной Луны вместе с городком у подножия!

Цзянь Мянэ привык к суровой экономии. Даже в павильоне он не считал скудную жизнь бедой, и тратить деньги направо и налево для него было пыткой. Уходя в мир, он забрал все сбережения ордена, но лечение Цинь Уцзю почти высушило их кошелёк. Он уже всерьёз подумывал, где бы подзаработать. Он понимал, что у младшего шишу наверняка есть закрома, но ведь тот не работает, а значит, живет на старые запасы. А жизнь долгая — разве можно так разбрасываться богатством?

И вот — всё прахом. Цзянь Мянэ чувствовал, как сердце обливается кровью, глядя на этот разорительный проигрыш. Цинь Уцзю же сидел с таким видом, будто речь шла не о золоте, а о горсти песка.

— Ну так что, господин? — настаивал крупье. — Нужно заложить что-то еще.

От соседей Цзянь Мянэ уже слышал, что их дом тоже выставлен на кон. Голова пошла кругом. Он хотел было остановить это безумие, но не успел: с тонких, красивых губ Цинь Уцзю сорвалось лишь одно слово:

— Продолжаем.

Цзянь Мянэ понял: уговаривать бесполезно. Да и уйти просто так они не могли — куда возвращаться, если жильё проиграно? Нужно было отыгрываться. По всему было видно, что младший шишу в игорном доме впервые и в костях смыслит столько же, сколько свинья в апельсинах.

Положив еще теплый кулек с каштанами в руки Цинь Уцзю, Цзянь Мянэ прошептал:

— Младший шишу, позволь мне. Но договоримся: как только вернем свое, сразу уходим.

В его голосе звучала такая непоколебимая уверенность, что Цинь Уцзю с интересом взглянул на него, поймав задорный блеск в глазах юноши.

— Думаешь, сможешь вернуть?

Цзянь Мянэ задорно вскинул бровь и улыбнулся:

— Просто смотри.

В этот миг он буквально светился юношеской отвагой, и Цинь Уцзю невольно залюбовался им.

— Хорошо, — младший шишу едва заметно, почти призрачно улыбнулся. — Тогда полагаюсь на тебя, Мян-эр.

<http://bllate.org/book/17489/1708877>